

Михаил Ручский

ТРИЛОГИЯ

«БЫЛИ КРУЧЕТСЯ, ТО И МОЖЕТСЯ»

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Михаил Русский

Княжич

**Серия «Если хочется,
то и можетя», книга 1**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70087597

Княжич:

ISBN 978-5-907694-96-5

Аннотация

Это первая книга трилогии «Если хочется, то и можетя». И если она называется как-то, скажем так, обыденно – «Княжич» – в том смысле, что этих княжичей в альтернативке как блох на... в общем, много их, то название второй выбивается из общего хоровода. Да и со временем описываемых событий как-то не вяжется. Однако по-другому и не назвать. Прочитаете вторую книгу – поймёте. Кстати, «Артек» её название.

До третьей пока руки не доходят. Но лет этак через десять думаю начать. Однако поясню. Через десять – у нас, а у вас и года не пройдёт. Вот такая небольшая тайна – затравочка.

О, а поплавочек-то дёрнулся! В общем. Читайте, хвалите, ругайте —

Я всё приму:

Ссылку, каторгу, тюрьму,

Но желательно в июле

И желательно в Крыму.

Хотите верьте, хотите нет. Но всё так и было. И в отличие от большинства авторов категорично заявляю: описанные события реально имели место. И никаких совпадений. Всё по-взрослому.

Хотя описываю происходящее больше для подростков. Ну и для тех, кто не растерял по жизни ясный взгляд на окружающее. У кого чёрное – это чёрное, а белое – это белое. А всё остальное от лукавого.

Содержание

Княжич	6
I глава	6
II глава	12
III глава	17
IV глава	26
V глава	33
VI глава	39
VII глава	49
VIII глава	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Михаил Русский

Княжич

© Михаил Русский, 2023

© Издательство BookBox, 2023

Княжич

I глава

Вот что ни говорите, а есть в нашей жизни явления, вещи, события, которые сложно, а иногда и невозможно объяснить. Одни из них происходят независимо от нас, нашей воли и сознания, другими мы можем управлять. Причём не какими-то действиями, а исключительно сильным желанием и волей. Это, конечно, идёт вразрез с общеизвестным тезисом, что «бытие определяет сознание», но многочисленные случаи из жизни подтверждают это.

Вот один такой «случай» из моей практики встреч с необычными событиями.

На заре моей юности, когда мы жили в СССР и не подозревали, что живём при коммунизме, я заканчивал восьмилетку. На дворе стояла поздняя весна 1968 года. Господи, не всеу будет помянуто имя Твоё, какая была весна!.. А воздух?! Наверно, выражение «пить воздух» может понять только поколение, родившееся до всеобщей автомобилизации и гигантизации городов. Алма-Ата с населением в триста шестьдесят тысяч человек, при отсутствии крупных промышленных заводов, была чудо как хороша. Юность, господа, Юность!.. Она и сейчас красива, но по-другому. И это,

скорее, красота женщины, скажем так, не слишком молодой, бодрящейся и заглаживающей морщины косметикой.

И молодые люди, говорящие со снисходительностью: «Вас послушать – так и трава была зеленее, и небо голубее», не подозревают, насколько они близки к истине, произнося эту фразу.

Но вернёмся к нашему «случаю». Моя молодость, совпавшая с молодостью Алма-Аты, и наложившаяся на них потрясающая весна давали огромный заряд бодрости, энергии и любви к жизни. Было ощущение большого бесконечного счастья, ну и, наверное, лёгкой неосознанной тревоги: а вдруг оно, это счастье, исчезнет?! И абсолютно не было беспокойства о предстоящих экзаменах. Они входили на тот момент в моё мироощущение, похоже, не самой большой его частью и не могли испортить весеннего настроения. Нет, я, конечно, готовился к ним и даже обнаружил в себе способность к пониманию тем, на которые во время учебного года глядел как баран на новые ворота. Но всё это происходило легко и непринуждённо. Без того нервного напряжения, которое так знакомо всем студентам.

В ночь перед Рождеством... Стоп! Это не из той оперы. В ночь перед экзаменом, а первым была геометрия, мне приснился сон. Захожу я в класс седьмым по счёту. Почему-то необходимо было зайти именно седьмым. Не глядя, беру билет под номером семь и сдаю на пять. Не знаю, откуда у меня появилась уверенность, что именно так всё и будет. Ведь

до этого ни один мой сон не сбывался и способностей медиума и предсказателя в числе моих достоинств не было. От слова «совсем». Однако я дважды повторил седьмой билет и пошёл в школу, выкинув по дороге «шпоры». И вот скажите, что на меня нашло? Зашёл седьмым, взял билет и, не посмотрев в него, попросился отвечать без подготовки. Математичка глядела на меня, как на пришельца. Она-то знала мои возможности. Заведующая, также состоявшая в комиссии, придерживая очки, спросила: «А может, вы для начала в билет заглянете?» Врать не буду – вот тут у меня ёкнуло. Медленно перевернул лист и прочитал вслух: «Билет номер семь»... Я даже на дополнительный вопрос ответил, всё-таки готовился без дураков.

Как хотите, но никак этот «случай», уж извините за тавтологию, на случайность не тянет. Кроме того, была ещё пара-тройка случаев в моей жизни. А уж сколько я наслушался за свой век всяческих чудесных историй – «Сибирская жизнь» Бушкова отдыхает. И заметьте, в большинстве случаев рассказывали люди солидные и всяческого доверия заслуживающие.

Как вы думаете, к чему я это всё рассказал? Правильно. К тому, что если очень хочется, то и может. Видать, учитываются там, наверху, наши искренние желания и, главное, уверенность, что эти желания сбудутся. Что-то срабатывает, и, казалось бы, случайные цепочки событий, поступков, действий выстраиваются в определённой последовательности и

приводят к желаемому результату. Смеётесь? Что же, смех продлевает жизнь. Во всяком случае, так говорят околону-учные корифеи.

Сейчас я вас ещё больше рассмешу. Только не торопитесь крутить пальцем у виска. Не претендует ваш покорный слуга ни на докторскую, ни на кандидатскую, ни даже на то, что всё, о чём он пишет, – истина. Потому как истина – это то, во что мы верим. Слушайте, хорошо сказал! Моё писательское самолюбование удовлетворено. Нет, я, конечно, допускаю, что подсознание выдернуло эту фразу из какого-то прочитанного литературного опуса, но ведь не списал же?

За семьдесят семь лет жизни мною было поглощено чудовищное количество книг. Читал самозабвенно, что говорится, «взахлёб». Никакой системы: путешествия, приключения, классика, ЖЗЛ, фантастика. Надолго, очень надолго, подсел на исторические романы. Наверное, поэтому очень легко перешёл на альтернативную фантастику, которая и являлась последние лет двадцать моим любимым чтивом.

Что вы говорите? За двадцать лет плотного контакта с «альтернативкой» крыша у кого хочешь поедет? Ой, я вас умоляю, как говорят или, может быть, будут говорить в Одессе. А пока не торопитесь, читайте, строго не судите и верьте в мечту. Потому как по вере вашей и будет вам отмерено.

7 апреля 2030 г., около семи часов вечера, г. Алматы

Мелкий дождь, начавшийся ещё с утра, делал прогулку не очень приятной. Однако, верный расписанию, мною же установленному, я не торопясь шёл по проспекту Гагарина и пытался уловить позитивные нотки в этом промокшем мире. В семьдесят семь лет, хочешь не хочешь, а приходится встраиваться в определённый жизненный ритм. Вот и стараюсь ежедневно не спеша наматывать кардио-километры. Нет, смерти я не боюсь, потому как не верю в неё. Переход сознания из одного состояния в другое – это да, а тело... ну что же, оно может быть и другим или вообще не быть. Я и внукам своим говорю: «Смерти нет, ребята». Почему-то уверен, что ещё будет шанс, а может быть, и не один.

За размышлениями не заметил, что повернул к парку имени М. Ганди и иду уже по крайней его асфальтированной дорожке. Ну как «парк», скорее, сквер размерами квартал на два с памятником Ганди в центре. Летом в нём очень оживлённо. Любимое место прогулок мамаш с колясками и четвероногих друзей человека с их хозяевами. Сейчас здесь, похоже, ни души.

Вскрик прозвучал совершенно неожиданно. Из кустов выбежал мужчина с портфелем, за ним ещё двое. В сумерках сверкнуло лезвие и раздался стон. Всё это произошло в трёх шагах от меня. А поскольку моё присутствие не входило в планы этих джентльменов удачи, то становились понятными их дальнейшие действия. В таких случаях, исходя из практики моей молодости и как говаривал В. В. Путин, надо быть

первым. И жёстко бить, поскольку, учитывая мой возраст, второго шанса не будет. Пока тот, что с ножом, выпрямлялся, я сделал шаг вперёд и пробил костяшками пальцев в гортань с силой, на которую только был способен. Знал, что убиваю, и хотел этого. А что вы хотите? Либерастические ценности в таких случаях ни к селу, ни к городу. Впрочем, они и в других обстоятельствах «как телеге пятое колесо».

Второй навалился, и мы вместе упали на землю. Повезло, что оказался сверху. Такой же удар, как и первому, и тишина. Подполз к жертве с портфелем, нащупал артерию на шее. Надо же, живой. Ну хоть что-то положительное. Стал подниматься с колен. Уловил угловым зрением движение сбоку, но отреагировать не успел. Голова взорвалась дикой болью. Подумал только: «Третий, был третий».

II глава

*6 апреля 1215 г., или шестой день цветения 6723 г.
от сотворения мира. Посольство*

Посольство Глеба Святославовича, великого князя Черниговского, пересекло условную границу между княжеством и Половецкой степью и неспешно продвигалось к Дону, чтоб по его течению свернуть на юг, к ставке половецкого хана Юрия Кончаковича.

Новый князь Черниговский спешил наладить дружеские отношения с одним из самых сильных и авторитетных степных владык. К его мнению прислушивались не только кочевники, но и князья южных русских княжеств.

Сын хана Кончака, внук Артака и правнук легендарного Шарукана, он распространил своё влияние на огромную территорию, от Волги до Таврики. Состоял в родственных отношениях с царями Грузии и великим князем Владимирским Ярославом Всеволодовичем.

Будучи ещё молодым, во время очередной междоусобицы в 1183 г. попал в плен к Киевскому князю. Какое-то время воспитывался вместе с его детьми. Потом принял христианство и после смерти своего отца Кончака занял ханский трон. Русские князья уважали его, в отличие от Даниила Кобяковича – хана другой большой половецкой орды, также приняв-

шего христианство. Ну а то, что он время от времени вторгался то в Переяславские, то в Черниговские, то в Киевские пределы, – так чего не бывает между своими! Те же русские князья жгли города и веси друг у друга так, что половцы отдыхают. Да и выступали они то на стороне Чернигова, то Киева, то Владимира, принимая активное участие в разборках русских князей.

Формально посольство возглавлял четырнадцатилетний княжич Иван – младший сын Глеба Святославовича, но фактически все полномочия по переговорам были у княжеского стольника Волкова Александра Фёдоровича.

Посольство было небольшим. Дюжина служилых людей, полсотни дружинников да боярин с княжичем, не считая нескольких выючных лошадей с подарками для хана и его приближённых.

Поднявшись на очередной пригорок, посольство остановилось. Внизу, на расстоянии в пару стрельбищ, протекал, плавно изгибаясь, Дон. Размерами своими он не поражал. Да и то сказать – верховье всё-таки. Тем не менее общая панорама впечатляла. Слева, на севере, темнели кондовые леса. Прямо за рекой, насколько хватало взгляда, словно острова в океане, рассыпались начавшие зеленеть рощи. А на юг и юго-восток, скрываясь за окоёмом, уплывала вместе с Доном великая степь.

В эту идиллическую картину не вписывались полдюжины обгоревших половецких кибиток на берегу реки. Боярин

махнул рукой, и десяток дружинников пошли налётом по пологому спуску. Остальные не торопясь тронулись следом.

«Булгары озоровали, Александр Фёдорович, – докладывал старший десятка, – навалились на рассвете и порубили полусонных. Один ещё живой. Поспрашаешь?»

Половец с пробитой стрелой грудью полулежал, прислонившись к колесу уцелевшей от огня кибитки. «Не жилец», – подумал боярин. Что и подтвердилось через несколько минут, когда с трудом выталкивая через запёкшиеся губы слова, вместе с кровавыми пузырями, раненый рассказал о том, что случилось. «Заклинаю тебя, рус, Великим Тенгри заклинаю, найди их», – произнёс он на выдохе и уронил голову на грудь.

Вроде бы обычное дело в приграничье, здесь зачастую сталкивались небольшие отряды русичей с половцами, болгар с русичами, половцев с булгарами. А иногда в схлестнувшихся в смертельной сече разбойничьих ватагах были представители и тех, и других, и третьих. Но в этом случае всё было несколько иначе. Половцы шли охотничьим загоном в верховьях Дона. А среди них был Ярух – любимый внук Юрия Кончаковича. Стольник не верил в случайное нападение болгар. И подтверждением того было то, что не убили ханского внука в бою, а связали и увезли с собой.

– Что будем делать, Иван Глебович? – боярин задумчиво теребил бороду.

– А что тут думать!.. – княжич рубанул рукой воздух. –

Идти в догон. Булгар побить. Яруха вызволить.

– Ну да, ну да. Оно, конечно, так, – умудрённый годами князев ближник лихорадочно искал выход из сложившейся ситуации.

Ведь если всё оставить как есть, то о посольстве можно забыть. Не простит хан того, что не попытались отбить его внука. С другой стороны, он головой отвечал за жизнь Ивана. У булгар, если половец не ошибся, сотня воинов. У нас в два раза меньше, но каких! Лучшие черниговские рубаки. Места эти он знал хорошо. Не раз и не два, сначала простым дружинником, а потом десятником и сотником, лихо носился по здешним окраинам, то преследуя врага, то уходя от него. Даже мог с точностью до версты указать, где остановятся булгары. Да и следопыт хороший имеется. Риск, конечно, есть. Но и в случае удачи посольство, как пить дать, выгорит. Это же какой козырь на переговорах!

– Решено, княжич, идём в загон. Будем брать супостата, как матёрого волка.

Булгар они выследили ближе к полуночи. Следопыты из служивых людей сначала учуяли дым, а следом углядели отблески костра в степной балке и загодя предупредили погоню. Оставив коней под присмотром, боярин с княжичем и дружинниками, словно призраки, растворились в ночи. А под утро, когда сон особенно сладок, так же бесшумно объявились на ночной стоянке противника. Зашелестели вынимаемые из ножен мечи и пропели свою смертельную песню

первые стрелы.

Жестокий век, жестокие нравы. Мысли просты и не изъедены ржавчиной цивилизации. Если это враг – смерть ему, если это друг, то положи жизнь за други твоя. И чёрное для всех всегда остаётся чёрным, а белое – белым. А вот в наше время это прерогатива только подростков.

Булгары спросонья не могли оказать серьёзного сопротивления и падали один за другим под ударами дружинников. Лишь десяток воинов во главе с предводителем и привязанным к луке седла пленником прорвались к выходу из балки. На их пути оставались только боярин с княжичем. Срубив первых двух булгар, Александр Фёдорович ударом щита свалил третьего, но оступился, и вражеский клинок, разорвав кольчугу, пробил грудь. Иван, успевший снять стрелой главного булгарина, бросился к пленнику. Перерубил верёвку, связывающую того с конём, и в этот момент получил сильнейший удар булавой по шлему.

III глава

Читая о попаданцах, я удивлялся, почему авторы почти всегда выставляют своих героев идиотами в первые часы, а иногда и дни, после переноса в прошлое. Причём, как выясняется, все они хорошо знакомы с альтернативной исторической фантастикой. Но с маниакальным упорством продолжают считать, что всё происходящее вокруг глюки, что сейчас очнётся и всё придёт на круги своя. Ещё глупее выглядит теория розыгрыша. Мол, друзья или недруги подстроили это действие с каким-то умыслом, а сами наблюдают по монитору и хихикают от удовольствия. Ага. Сейчас. Потратили миллиарды для постройки, предположим, древней Москвы, Новгорода или Рязани. Реконструировали дружины, да ещё столкнули их с такими же лжеполовцами, хазарами, монголами. Реально отрубаются руки и ноги, хлещет кровь и летят с плеч головы, а попаданец, умиляясь, восклицает: «Как реалистично, как здорово меня разыгрывают!» Ну не бред ли? Я, конечно, утрирую, но не очень сильно. Есть такая тенденция, однако.

Я просто проснулся. Никаких болей в голове или ещё где-либо. Никакого кровавого тумана и света в конце туннеля. Проснулся и всё вспомнил. Первое – парк, грабители, удар, тьма. Второе – погоня. Сражение, удар, тьма. Причём вспомнилось первое и второе как-то одновременно. Просто два в

одном флаконе. Неужели получилось? Осматриваю руки, ноги. Двигаю ими. Координация отличная. Ну, что же, с прибытием вас, господин попаданец!

Дела посольские

Полог шатра или юрты – я пока не понял, где нахожусь – откинулся, и вошла девушка с кувшином в руках. Увидела меня в неглиже и змейкой юркнула обратно. Через мгновение влетел старшой первого десятка, Ратибор. (Надо же, и этого помню.)

– Очнулся, княже? Слава богу. А то муторно как-то было. Боярин на ладан дышит. Ты в беспамятстве лежишь. Что делать? Никто не знает.

– Всё хорошо, Ратибор. Расскажи, чем там в балке закончилось и где мы теперь?

Оказывается, когда мне прилетело булавой по шлему, дружинники уже были рядом. В общем, никто из болгар не ушёл. Всех положили. А как солнце взошло – и сам хан с ратью пожаловал. Что-то там раскопали его лазутчики. Заговор какой, что ли? Ну и кинулся выручать любимого внука. А тут мы, скромные такие герои. Подумаешь, сотня! А я, оказывается, вообще внука его заслонил. На себя удар принял. Ну ни фигя себе. Это же какие перспективы открываются!

– Ратибор, где одежда? Одеваться буду.

– Так вон, на сундуке лежит. Только тут вот какое дело.

Вчера хан шамана своего прислал. Тот лечить тебя взялся. Я, понятное дело, из шатра выйти отказался. Он до сумерек в бубен бил и чего-то там бормотал, а потом как закричит, руками замашет и вон из шатра. Чудной старик. Но ты всяко поберегись. Мало ли чего у него на уме. Одно слово – нехристь.

– До вечера, говоришь, в бубен бил. А число вчера седьмое было?

– Точно так, седьмой день цветения.

«Интересно получается, – размышлял я. – Там в парке как раз в семь часов всё и случилось. Добавим к этому две семёрки – мой возраст. И голову готов прозакладывать, что шаман выскочил из шатра именно в семь. И что мне с этими четырьмя семёрками делать? А, ладно. Разберёмся. Потом. – И усмехнувшись додумал: – Может быть».

Церемония вручения вверительных грамот, то есть подарков, проходила согласно местному протоколу. Впереди десять дружинников несли подарки. За ними важно шествовал я, а за мной в качестве свиты ещё десять воинов. Мы прошли между двух рядов дымящих костров и остановились у настила, где на коврах и подушках восседал Юрий Кончакович. Ощущение театральности происходящего не покидало меня. Право слово, будто дети малые. Нет, ну надо что-то решить? Так сядьте как два нормальных мужика за стол, раздавите бутылочку, ударьте по рукам, и всё. Но боже упаси. Будь ты уж трижды герой, а блюсти обычаи обязан. Традиция, бля.

Вон, Юрий Кончакович – христианин, а в степи вместе со всеми молится Тенгри, прислушивается к шаманам, присутствует на их камланиях. Попробовал бы он иначе себя вести!.. Нет, революции бы не случилось, чай не варварская Европа. Просто тихо и мирно сломал бы себе шею. На охоте, например. Или подавился бы косточкой во время пира. В конце концов, мог неудачно упасть на свой собственный кинжал. А что, дело-то житейское. Как говаривал незабвенный товарищ Сухов, Восток – дело тонкое.

Впрочем, мне было интересно. Передал привет от отца, выразил надежду, что всё у великого хана хорошо. И овцы целы, и волки сыты, то есть стада тучны и многочисленны, а враги сидят по закоулочкам и не тьявкают. И под конец озвучил пожелания на вечную дружбу и мир между нашими народами. Ну, примерно в таком ключе. Понятно, что от хана прозвучала ответная речь. Всё, протокол выполнен.

Внешние приличия соблюдены. Зрелище народу показано. Он доволен, потому как ещё и хлеб будет вкушать за счёт хана. Теперь можно нормально поговорить.

В походном шатре Юрий Кончакович угощал дорогого гостя, посадив его по левую руку от себя. По правую сидел Ярух.

– Ты, Иван Глебович, теперь знай и передай своему отцу великому князю: в степи у вас есть верные друзья. И пока я жив, ни один воин моего улуса не обнажит оружие против земли Черниговской. Клянусь в том Богом всемогущим.

Мне рассказали, как ты храбро сражался с булгарами и спас моего сына.

Однако же не пообещал, что помогать будет. Но нам этого пока и не надо. Главное, отец за тылы будет спокоен. Внешне же я олицетворял собой образец скромности. Мол, чего уж там, мы ещё и вязать, вышивать можем – вспомнился кот Матроскин из прошлой жизни.

– Великий хан преувеличивает мои заслуги. Просто мы оказались в нужном месте в нужное время. И ещё. Зовите меня просто Иван. Мы с Ярухом ровесники, и мне будет приятно, если вы обратитесь ко мне по-простому, – выдержал паузу, – по-родственному.

По внимательному взгляду Юрия Кончаковича было заметно, что и паузу, и последнее слово, выделенное интонацией, он уловил. На несколько мгновений прикрыл глаза, а когда их открыл, стало понятно, что созрело какое-то решение. Надеюсь, правильное.

– Иван, то, что ты спас моего внука, – это Божье знамение. Это поступок близкого человека, брата. Так почему бы вам не провести обряд и не стать побратимами?

Нет, какой он всё-таки умница! Другого не один день подводить к нужному решению надо. А ему одного ключевого слова достаточно оказалось.

– Это огромная честь для меня, – склонил я голову.

– На том и порешим. Завтра проведём обряд, а сейчас отдыхай.

Но, как оказалось, отдых пришлось отложить. На обратном пути нас перехватил посланник шамана с настоятельной просьбой посетить его. Со служителями культа лучше не ссориться. А этот, видать, не из последних. Ведь уловил же момент перехода моего сознания в тело княжича. Такого злить – себе дороже. В идеале сделать его союзником. Но это уже как получится. Шамана звали Урзах, и он не стал тянуть кота за хвост.

– Ты пришёл из другого мира, – сказал он и сконцентрировал на моей переносице взгляд своих чёрных глаз.

Мне по прошлой жизни был знаком этот способ выведения собеседника из душевного равновесия.

– От служителя великого Тенгри ничего утаить невозможно, – с улыбкой ответил я.

Он даже отшатнулся.

– Так это правда?

– Кто знает, что есть правда в этом мире? Вот ты увидел правду, а истолковал её неверно. Я не пришёл из другого мира – это невозможно. Я вернулся оттуда.

– И ты видел Тенгри? Лицо Урзаха было белое как мел.

– Нет, его нельзя увидеть. Но я говорил с его слугами – ангелами.

– Погоди, рус, ангелы – это слуги христианского Бога.

– Вот тут ты ошибаешься, шаман. Они просто слуги Бога. Он один. А глупые люди на земле делят неделимое и дают ему разные имена.

– Скажи, рус, что ты там видел?

– Ничего. Но я много слышал. И у меня есть для тебя послание.

– Для меня?

– Ну, не конкретно для тебя. А для всего народа половецкого. – И, закрыв глаза, начал говорить в стиле летописи: – И был год 6731, и была беда великая, пришедшая со стороны царства Имеретинского и царства Кахетинского. Незнаемые прежде, орды диких монголов, покорив множество царств, вторглись в Аланские земли. И сказали князья Аланские ханам Половецким: «Придите и помогите! Разобьют нас, и следующая очередь будет ваша». И собрали войско сильное, многочисленное. Пошло оно на помощь аланам. Но монголы коварные прислали ханам подарки великие. И говорили так: «Мы не воюем с вами, а воюем с аланами, а с вами нам делить нечего. Мы одной веры. Берите подарки и уходите». И алчность победила. Половцы взяли подарки и ушли в степи. А монголы, разбив алан, кинулись в степи. Настигли и разбили силы половецкие. И отсюда пошло начало конца этого народа. И через несколько десятков лет даже название его стёрлось из памяти людской.

На шамана больно было смотреть. Губы его дрожали, руки тряслись, голова поникла. Но постепенно он пришёл в себя.

– Ты рассказывал об этом хану?

– Нет, я хотел сначала посоветоваться с тобой. Делами небесными должен заниматься сведущий человек. Я передал

тебе послание. Что с ним делать, решай сам.

На следующий день в узком кругу, но торжественно прошёл обряд братания. После положенных по такому случаю речей (куда же без них, родимых) шаман подал чашу с кобыльим молоком. Мы с Ярухом сделали надрезы на запястьях и капнули в чашу по несколько капель крови. Произнесли клятву о вечной верности и выпили пополам молочно-коровавую смесь. Я подарил побратиму два кинжала и шлем толедской работы, а он – две великолепные индийские сабли из дамасской стали.

Когда мы остались одни, Юрий Кончакович спросил, какие пожелания у меня имеются и есть ли планы на будущее. Я ждал этого разговора и не стал юлить.

– Великий хан, желания есть, их два. И план имеется один. Во всяком случае, это то, что в одиночку, без помощи, выполнить очень трудно. Хочу вырастить и обучить свою личную дружину. Нужны юнцы двенадцати-четырнадцати лет, желательно русичи. Второе: нужен мастер боя с двумя саблями. И наконец, имеется желание в недалёком будущем вернуть Тмутараканское княжество, ранее принадлежавшее Чернигову, и сделать его независимым. И это надо сделать в течение пяти-шести лет.

– И что дальше? – хан с интересом смотрел на юного княжича.

– Дальше Таврия. Вся, до последнего поселения.

Позже, пересказывая всё это шаману, Юрий Кончакович

сказал:

– Хотел я рассмеяться после последних его слов, но посмотрел на него и подумал: «А ведь так всё и будет. Похоже, на Руси появился новый Святослав».

IV глава

Княжество Черниговское

Посольство возвращалось домой. А вместе с нами на север, словно волна, накатывала зелёным приливом весенняя набиравшая силу зелень. Лесостепь в это время очаровательна, как девушка, ещё не вошедшая в тело. Всё только в набросках. Но уже заметны приятные глазу округлости. В движениях появляется плавность и размеренность. А глаза, стреляющие по сторонам, говорят о том, что ещё немного, ещё чуть-чуть – и исчезнут остатки подростковой порывистости. А на смену ей придёт спокойная уверенность в своей неотразимости для второй половины рода человеческого. В рощах небольшие, ещё не набравшие силу листья радовали глаз своей свежестью. Степь, обтекая массивы деревьев, покрылась короткой, как ворс ковра, зелёной травой. Ласковое солнышко и отсутствие пыли делали путешествие приятным и позволяли любоваться окружающим миром. Ну и размышлять заодно над некоторыми необычными вещами, например над тем, откуда я знаю половецкий язык. Княжич вроде полиглотом не был. Интересная выборочность. Ни один европейский в мыслях не шуршит, не напоминает о себе. А вот, например, на болгарском хоть сейчас могу стихи писать. Неплохой подарочек мне в багаж положили.

Настроение было великолепное. Миссию свою мы выполнили и в Чернигов едем не с пустыми руками. И главное было не подарки хана отцу и боярам, не три сотни коней – молодых двухлеток одной гнедой масти. Главное – то, что отныне и в ближайшие годы на южных рубежах княжества воцарятся мир и спокойствие.

Боярин Волков пошёл на поправку, и, хотя до выздоровления ему как до луны пешком, то, что он выживет и к осени вернётся домой, шаман гарантировал. И я окончательно определился, что и как буду делать для достижения своей цели. Программа-минимум – Тмутараканское княжество и впоследствии Крым. Программа-максимум – горизонты открыты.

Рядом со мной ехал Аллурх, гот по происхождению. Выходец из горной Таврии, где ещё остались потомки легендарных победителей Рима. Как он попал к половцам, я не знаю. Видимо, оказал какую-то услугу Кончаковичу и был у того в почёте. А вот с остальной знатью – старейшинами родов – отношения у него не сложились: убил в поединке сына знатного бия. И хан, узнав, что мне нужен учитель, владеющий двумя мечами (обоерукий), выполнил мою просьбу и уговорил гота поступить на службу к княжичу, убив сразу двух зайцев.

В его роду из поколения в поколение передавали искусство двуручного боя. А сам Аллурх отточил своё мастерство за четверть века скитаний по разным странам.

– Пять лет служил в Византийской армии, – рассказывал он, покачиваясь в седле. – Знал там парочку хороших мастеров – двуручников. Учились друг у друга. Встречался один раз с таким же в бою. Как видишь, остался жив. Обычно мы стараемся избегать столкновений с себе подобными. Нас не так много. Выработались даже негласные правила. Мы вроде как орден какой. Даже оружие носим по-особому – за спиной. – Помолчав немного, он продолжил: – Отслужил контракт в Византии. Попал в Италию, в гвардию миланского герцога. Познакомился с европейской техникой двуручного боя. Хороший мечник был. Четыре года мы доказывали друг другу, чья школа лучше. А в конечном результате лучше оказался яд. Отравили беднягу. Потом судьба занесла к испанцам, оттуда – к арабам, от тех – к персам. От последних пришлось бежать. По дороге к Хвалынскому морю встретил возвращавшееся половецкое посольство. Помог им кое в чём. С ними и ушёл. А последнее время всё чаще приходят мысли о доме, хочется остаток жизни провести на родине.

– Да, помотало тебя по белу свету, Аллурх. Слушай, имя у тебя интересное. Звучит почти как «Алларих».

Гот аж коня остановил.

– Ты слышал о нашем великом вожде?

– Не просто слышал, а довольно подробно знаю о его жизни. Во всяком случае с тех пор, как он стал военным предводителем готов.

– Непростой ты отрок, княжич. Чем больше я с тобой го-

ворю, тем больше ты меня удивляешь. Даже у нас в Готии мало что известно о тех временах. Да и в остальном... Речи ведёшь, как умудрённый жизнью муж. Иногда кажется, что это мне пятнадцать лет, а ты седобородый старец, объездивший полмира. Откуда у тебя такие познания?

Я задумался. Гот мне был нужен. Это просто счастье какое-то, что наши судьбы пересеклись. Возможность опереться на его соплеменников в Крыму – большая удача. Но с ним нужно быть честным. Фальш он просечёт на раз.

– Давай поступим так, Аллурх. Врать тебе я не хочу. А рассказать всего не могу. Пока не могу. Придёт время, и ты всё узнаешь. Одно скажу тебе: не пройдет и десяти лет – и не только горная Готия, но и вся Таврия станет для тебя, меня и всех людей, что пойдут с нами, новой родиной.

– А знаешь, княжич, я тебе верю. У меня за годы скитаний нюх выработался на людей. Быть тебе великим вождём.

Аллурх хлестнул по крупу коня и умчался вперёд каравана.

Великий князь Черниговский, Глеб Святославович, стоял на красном крыльце своего терема и глядел на окружающий его город. Детинец с теремом, как и во всех русских поселениях, стоял на самой высокой точке местности. И весь Чернигов лежал как на ладони. Две широкие улицы пролегали вдоль реки Десны и пересекались многочисленными улочками и переулками. За детинцем располагался окольный град, так же, как и детинец, окружённый городницами – деревян-

ными срубам, заполненными землёй. Далее хаотично рассыпались избы предградья. Они защищались тыном из брёвен и небольшим рвом.

Князь вздохнул. Полгода, как он въехал хозяином в терем, а до сих пор нет ощущения, что находится дома. Что же делать... Это удел всех русских князей. Всю жизнь идёт смена места проживания. И ничего хорошего простому люду это не даёт. Временщик – он и на Руси временщик. Сегодня он был в Козельске, завтра – в Смоленске, а там, глядишь, и в сам Киев переберётся. Ну и с какого бодуна он должен переживать за дела княжества? Намудрил Ярослав с престолонаследием. «Не зря его Мудрым прозвали», – усмехнулся Глеб Святославович своим мыслям.

В ворота детинца на полном скаку влетел всадник и, спрыгнув с коня, побежал к крыльцу. Увидев князя, остановился, отвесил поклон.

– Княже, посольство вернулось.

Миновав ворота предградья, потом ворота окольного города, мы подъехали к детинцу. Я старался издали разглядеть среди группы богато одетых людей отца княжича, ну и, понятное дело, теперь и моего. Не то чтобы меня сильно напрягала эта встреча, но лёгкое волнение присутствовало. Соскочил на землю и направился к терему. Ближники князя расступились, и я неожиданно оказался в объятиях высокого худощавого и сильно поседевшего человека. Конечно же, я узнал его, как и всех приближённых. Моя память удиви-

тельным образом слилась с памятью княжича, сохранив все подробности и моей, и его жизни. Но в поведении и разговоре, как ни контролируй себя, всё равно будут проявляться необычные для окружающих моменты. Новые знания, например.

В просторной горнице собрались все именитые мужи Чернигова: бояре, воеводы, купцы, архимандрит Черниговский, Козельский и Курский Елифаный, а также игумен монастыря Пресвятой Богородицы Даниил. Глеб Святославович хотел всем продемонстрировать успех посольства и удачу своего сына, тем самым поднять авторитет и укрепить княжескую власть.

Я подробно и не спеша, как было оговорено с отцом, рассказал о ходе посольства, отслеживая эмоции, выдерживая паузы, давая аудитории шумно выражать свои восторги. Затем торжественно вручил подарки князю, архимандриту, игумену, боярам и воеводе. А купцам – охранные грамоты, полученные от хана. Очень разволновались, сердешные. И было от чего. Свободное передвижение вплоть до Русского и Хвалынского морей дорогого стоило. А уж насколько «дорого», я подумаю. Ведь мою будущую дружину на что-то содержать и обучать надо?

Наконец, после изъявления всеми присутствующими верноподданнических чувств, как и положено, отправились на честной пир. А там – заячьи почки верчёные, свиные ушки копчёные, икра красная, икра чёрная, икра заморская

баклажанная... Нет, вот чего не было, так это последнего. Но остальное вполне соответствовало незабвенному фильму про Ивана Васильевича, который профессию менял.

У глава

На следующий день с отцом говорили уже по душам. Точнее, о душе. О моей родимой, которая якобы летала и общалась с ангелами, когда я был в отключке. А что прикажете делать? У самого кошки скребут на этой самой, о которой речь. Да и старик мне нравится. Но как-то надо реализовать свои замыслы. А без его «одобрямс» мне никак. Да и приврал самую малость. Ну рассудите сами. Летало же где-то моё «я», пока не переселилось в княжича. И монголы, о которых рассказал, будут. И разгром на Калке был, но теперь, надеюсь, не произойдёт. И пылающие Рязань, Владимир, Чернигов, Киев и остальные города русичей. Ведь было? Но может и не быть! Об этом и рассказывал. Только когда дошёл до того, как избежать этих бед, заменил слово «знаю» на «мне ангелы на ушко шепнули». Всего-то.

Князь, на удивление, довольно спокойно воспринял эту информацию. Задав пару уточняющих вопросов, тут же принял решение.

– То, что ты увидел и услышал, то ли случится, то ли нет, неизвестно. Но от придумок твоих вреда не вижу. Всё одно только польза будет. Посему место для обучения младшей дружины выделю. Ну и остальным чем смогу помогу.

Ох, знал бы он, в какие затраты это выльется!.. Хотя если с купцами выгорит, то вполне приемлемые. Надо будет в

ближайшие дни с ними встретиться. А пока суд да дело, начались тренировки с готом. Нет, прощупывать меня он начал ещё в дороге. На стоянке гонял по паре-тройке часов. Смотрел, на что я способен. А вот сейчас взялся за дело основательно.

– Я, княжич, до последнего сомневался, получится ли, – говорил он после первой тренировки. – У нас в роду начинали ставить руки с пяти лет. Независимость их движений – главное в двуручном бое. Иногда на это полжизни уходит. А тебе эта способность от рождения дана. Будет толк.

От рождения, как же! Просто княжич был левша. А я правша по той жизни. И поскольку обычная и мышечная память сохранилась от обоих, то и руки гуляют каждая сама по себе, великолепно вписываясь в практику двуручного боя.

Две седмицы пролетели, как один день. Я с трудом добрался до постели и засыпал, ещё не положив голову на подушку. Аллурх сказал, что даром свой хлеб есть не собирается. «Может, в командировку его куда послать», – посетила с утра дикая мысль, пришедшая вместе с болью во всём теле.

Гот утешал:

– Ничего, ничего, вот когда начнутся настоящие тренировки...

Ага, а сейчас мы сидим на завалинке и семечки лузгаем. Изверг. Но постепенно начал втягиваться и сегодня утром с удивлением почувствовал себя намного лучше. Да ещё выходной, как окрестил я день встречи с купцами, добавляя

хорошего настроения.

У меня не сложилось до конца решение о сотрудничестве с местными «олигархами». Так, общие наметки. Надеюсь, в процессе общения они обретут более чёткие контуры.

Купечество в Чернигове ценили. И воли им дано было немало. Разумеется, не как в Новгороде Великом, но всё же. Некоторых представителей этого сословия сам князь величал по имени-отчеству. Одним из них был Никита Афанасьевич из рода Рябовых. Умнейший человек. Не раз удостоивался чести присутствовать на княжеском совете. Ещё прадед его Митька, по прозвищу Рябой, открыл первую лавку в городе. С тех пор стараниями четырёх поколений маленькая торговая точка выросла в торговую империю. Никак не меньше по местным критериям. Никита имел лабазы в Киеве, Владимире, Новгороде, ну и, разумеется, в Чернигове.

Вот этот человек и встречал меня в окружении ещё шестерых собратьев по цеху около ворот своего дома, расположенного в окольном граде.

Опять семёрка? Эта цифра стала для меня прямо мистической. И я понял вдруг, что всё получится. Ну хоть убейте меня, а появилась стойкая такая уверенность.

Зашли в горницу. «Так, это надолго», – подумал я, оглядывая большой стол со снедью. Отличалось разнообразие блюд от княжеского разве что количеством. Какие дела? О чём вы? Не видите – мы кушать собрались! Ну не принято в этом времени решать вопросы быстро, на ходу. Попробуйте

начать речь о делах с порога. Смертельная обида хозяину, «слушай». Но всё проходит, как говаривал старина Экклезиаст. Прошло и застолье. За чисто убранным столом семь пар хитрющих глаз уставились на меня, ожидая продолжения. «Что нам скажет этот молокосос?» А вот я вас сейчас, ребята, удивлю.

– Не надоело ли вам, купцы именитые, по мелочи перебиваться и грошики считать?

Смотрел я при этом на Никиту Афанасьевича, брови которого удивлённо полезли вверх. Ага, получилось. Не ждали такого? Думали, приедет мальчишка, заберёт, что дадут, и до свидания? Нет, господа хорошие. Мне надо, чтобы вы зарабатывали в разы больше, потому как четверть будет капать мне, убогому. Не знаю, что уж надумали себе купцы, но на столе передо мной оказался кошель, внушительных таких размеров. Открыл. Посмотрел. Ну ни хрена себе – золото! Да на эти деньги можно год тысячную дружину содержать.

– Прими, княжич, от чистого сердца за хлопоты твои у басурман, – встал и отвесил поклон хозяин.

Я выдержал паузу и демонстративно отодвинул кошель.

– Ты что же, Никита Афанасьевич, всерьёз решил, что я за этим приехал?

– Так это, ты скажи, если мало, мы добавим.

Его явно сбивало с толку несоответствие моих лет с речью и поступками. Я усмехнулся. Подумал: «Даёшь качественный плагиат».

– Имеющий уши да услышит. Поэтому слушайте и не говорите потом, что не слышали. Есть в Аглицких и Гишпанских землях сообщества купцов, именуемых кумпанствами. Объединяют они свои деньги и за счёт больших оборотов имеют доходов в несколько раз больше. Доходы же делятся в зависимости от того, кто сколько вложил. Вот я вам и предлагаю создать такое же и торговать с персами. Грех не использовать появившуюся возможность свободного прохода к Хвалынскому морю. «Это же, – показал я на кошель с золотом, – пусть будет моей долей. Охрану беру на себя. Прошу за то четверть от дохода. Подумайте, господа купцы. Считать вы умеете. С ответом жду через седмицу».

Снов, правый приток реки Десны, не впечатлял своими размерами. Всего-то ширина пятьдесят-шестьдесят метров. Но воды свои, как и большинство русских рек, нёс спокойно и величаво. Впадал в Десну и оплодотворял её чистыми тальми водами. Образовавшийся клин в междуречье постепенно расширился на северо-восток и вёрст на тридцать был покрыт дубовыми и берёзовыми рощами, заключёнными в оправу из зелёных лугов. Дальше шли глухие непроходимые леса. Что называется, нехоженые и неезженые. Это место идеально подходило для реализации моего плана. И от Чернигова недалеко, и от любопытных глаз скрыто. На берегу нас ждал дощаник, заранее высланный из города. Переправились и стали подыскивать место для строительства будущих казарм. Вскоре таковое было найдено. Высокий холм с

плоской вершиной примерно в пяти верстах от слияния рек.

– Ну что, Аллурх, как думаешь, подойдёт?

– Отличное место, княжич. Вряд ли можно найти что-то лучшее, чтобы готовить дружину.

– Конную дружину, – уточнил я.

– И заложим здесь основу нашего первого легиона. Пехота – наше всё.

VI глава

На следующий день после возвращения объявились купцы. Впрочем, вполне предсказуемо. Не привыкло это сословие решать долго, если впереди маячила нехилая такая прибыль. Время, как известно, деньги.

Дело сладили быстро. Составили ряд, по которому с моей стороны в состав кумпанства с четвертной долей вошёл Аллурх (неуместно княжичу заниматься торговлей). Определили, какие товары и сколько повезём в Персию. Купцы хотели на первый раз ограничиться небольшой партией, но мне удалось настоять на максимально возможном объёме товара.

– Ты пойми, Никита Афанасьевич, – убеждал я его, – у нас в запасе максимум пять лет. Потом монголы вторгнутся в Иран, и будет не до торговли. Надо успеть наладить торговый путь на запад. Сделать запас и, когда товар из Персии перестанет поступать в Гишпанские, Франкские, Германские и Италийские земли, втридорога предложить свой. И никуда не денутся, возьмут как миленькие.

Решено было, что караван с обозами отправится в середине лета. И разлетелись по Руси торговые представители черниговских купцов скупать воск, мёд, меха, пеньку, льняные ткани, моржовые клыки и многое другое, что ценилось на рынках Персии.

А я, переговорив с отцом, занялся подготовкой к стро-

ительству. Были наняты и отправлены на место две артели лесорубов, трое плотников, ну и так, пару десятков мужичков набрали для «квалифицированных» работ. В смысле бери больше, кидай дальше. Аллурх с моими чертежами тоже уехал. Ура! У меня каникулы.

Сегодня были с отцом в оружничей палате. Убожество. Никакого стандарта. Даже двух одинаковых боевых топоров не наблюдалось. Клинки у мечей разной длины. У копий наконечники от листовидных до четырёхгранных. Впрочем, я и не надеялся увидеть что-то новое. Княжич не раз заглядывал сюда до моего появления.

Заметив кислое выражение на моём лице, Глеб Святославович понял, что сын не в восторге от стратегического запаса княжества. Подошёл к сундуку, стоящему особняком от всего остального. Открыл. И достал оттуда АРБАЛЕТ. Вот именно так. Большими буквами. Потому, что это было не просто оружие, а настоящее произведение искусства. Сначала я просто восторженно глядел на него, любуясь. А потом тихо выпал в осадок. Ну не могли здесь сделать это блочное чудо с курковым спусковым механизмом образца двадцать первого века.

– Откуда он у тебя, отец?

– А я знал, что тебе понравится. Это подарок за удачное посольство к половцам. Третьего дня – ты тогда снова уехал – прибыло гемузское посольство. Проездом они здесь. Во Владимир едут. Мастер там с ними, что этот самострел сла-

дил. Сказывал, бежать ему из Генуи пришлось. Чуток на костёр не угодил. Папа ихний, который в Риме, указ издал, запрещающий это изделие. А недоброжелатели подсуетились и донесли на него. И по-нашему бает, только странно как-то. Вроде и понятно, а не все слова знакомы.

– Где он? – почти прокричал я.

– Да что ты так встревожился? В гостевых палатах. Где же ему ещё быть?

– Отец, этот человек должен остаться у нас, – выкрикнул я, выбегая из оружейной.

Не помню, как ноги донесли до гостевой. Оттолкнул стражника и ворвался в покои.

– Где мастер?

Видок, наверно, у меня был ещё тот. Несколько богато одетых иноземцев с удивлением разглядывали взбудораженного юнца. Вздохнул глубоко пару раз и уже почти спокойным голосом с официальной интонацией произнёс:

– Великий князь мастеру генуэзскому к себе велит быть.

Из соседней комнаты вышел молодой человек, лет двадцати.

– Мастер Никколо Паганини, – отвесил он небольшой поклон.

– Ага, – усмехнулся я, – Паганини, а эта штука, что ты отцу продал, не иначе как скрипка Страдивари. Рот закрой и следуй за мной, мастер.

Когда зашли в мою светлицу, улыбнулся и спросил:

– У вас славянский шкаф не продаётся?

– Чего? – не сразу дошло до него.

– Чего-чего? Из какого века в наши палестины попасть изволили?

– Из двадцать первого.

И тут в его глазах появились проблески понимания происходящего. Через минуту я чуть не задохнулся в его объятиях. Еле вырвался. Усадил за стол и присел сам. Через полчаса уже знал всю нехитрую историю обеих жизней Николая.

Москвич. Сорок лет. Работал на небольшом заводе по изготовлению спортивных луков и боевых арбалетов. Если материал для первых был свой, то для вторых большую часть комплектующих получали из Италии. Фирма была совместная. А предыстория попадания в тринадцатый век – один в один как у меня. Шёл. Увидел: девчонку тащат в иномарку. Вступился. Получил по макушке и оказался в Генуе. Помыкался полгода на подработках, а потом повезло. Попал к мастеру-лучнику. Прижился. Стал неплохо зарабатывать. И всё бы ничего, но захотел мастера удивить, блочный лук сделать. И знал ведь уже о папском запрете. Только русскому человеку запрет что красная тряпка быку. Вот и попал по полной. Им заинтересовалась набирающая силу инквизиция. Пришлось уносить ноги. В порту, в таверне, услышал о посольстве на Русь. Попробовал пристроиться. Получилось. Переводчик был нужен. Вот так и оказался здесь.

Вкратце рассказал ему о своих замыслах и получил одоб-

рение.

– Арбалеты нужны, Николай. Мощные и много. Поможешь?

– С мастерами здесь туго. Я ведь первые полгода, что называется, на коленке делал. А получилось так себе. Но компактнее и мощнее итальянских. Хотя они на сегодня считаются лучшими. – И хлопнул меня по плечу. – Не журишь, княжич, придумаем что-нибудь, однако.

Устроив нового члена команды, я занялся тем, что меня давно волновало, а именно обдумыванием экипировки будущих легионеров. Нужно было найти оптимальный вариант соотношения «цена – качество – защищённость». Перебрав множество вариантов, остановился на ранних римских доспехах «лорика сегментата». Их панцирь изготавливался из двух-, трёхслойной воловьей кожи, вываренной в солёной воде. А кож на Руси хватало, и работать с ней умели. Особенно в южных княжествах. Кочевники-то рядом. И добра этого у них, как говаривал кот Матроскин, «ну просто завалишь». А чего много, то относительно дёшево.

Металла там немного, изделия несложные, и особых затруднений в изготовлении я не видел. Наплечники, наручи и поножи. Ах да, ещё две металлические пластины, которые я собирался вставить между слоями воловьей кожи. По моим расчётам, весить всё это будет не более десяти килограмм. Не бог весть какая тяжесть. Вот со шлемом сложнее. Мало того что он в изготовлении сложен, так и стоять будет не ма-

ло. А такие, как я хочу для своих будущих бойцов, не делают на Руси вовсе. А значит, что? А значит, закупать будем. И потенциальные продавцы у нас кто? Правильно – генуэзцы. В своё время смотрел по компу. Шлемы их тяжёлой пехоты – то что нужно.

Повернул и пошёл обратно. Николай что-то чертил на бумаге.

– Вот, посмотри, княжич, – пододвинул ко мне лист.

– Ну вижу, обычный арбалет. А где блоки?

Он торжествующе улыбнулся.

– Они не нужны. От слова «совсем».

– Подожди, а как же мощность? Уменьшится?

– Ничего подобного. Это широко распространённое заблуждение. Основная функция блоков на луке – уменьшить нагрузку на руку стрелка. И там они уместны. В нашем же случае эту роль выполняет зацеп, на который мы надеваем тетиву. А блоки для антуража, чтобы привлечь богатеньких Буратино.

– Хорошо, шея у жирафа длинная – ему виднее. Я вот зачем вернулся. Ты, случайно, не знаешь цену на шлем в Генуе?

– Почему «случайно»? Очень даже наоборот. Я же среди мастеров крутился. Разных повидал и наслушался. Шлем, как у нас говорят, эксклюзивный может стоить сто флоринов. Для крупных военачальников – от сорока до пятидесяти, для офицеров – от двадцати, а для обычного солдата –

от двух до четырёх флоринов. И заметь, все они по качеству одинаковы и отличаются друг от друга лишь наворотами.

– Я набросал на бумаге рисунок по памяти.

– Да, это шлем тяжёлого пехотинца, – подтвердил Николай.

– А флорины – золотые монеты?

– Да. Три с половиной грамма.

– Слушай, когда твои работодатели уезжать собираются?

– Должны были завтра.

– Ты сейчас иди и скажи, что княжич поговорить с ними хочет.

– Хорошо. Куда им прийти?

– Я не гордый, я сам приду.

Главы генуэзского посольства Андреа Дориа и Франческо Гримальди внимательно рассматривали юношу, стоявшего перед ними. Необыкновенно высокий для своих лет и физически хорошо развитый, этот варвар производил благоприятное впечатление. В его неожиданном визите явно просматривался какой-то интерес к ним.

«Ну что же, неплохо было бы заручиться поддержкой наследника этого княжества. Особенно в свете того, что сообщили гонцы, вернувшиеся вчера из Владимира», – подумал Дориа. И ничего утешительного в этих сведениях не было. Похоже, старшего князя русов абсолютно не интересовала экспансия на юг. Сегодня они с Франческо обсуждали это известие: стоит ли в свете вновь выяснившихся обстоятельств

стучаться лбом в закрытые ворота и не лучше ли повернуть на юг к половцам.

– Сеньор Дориа, сеньор Франческо, – прервал его размышления княжич. – Я ценю ваше время, да и своё не меньше. Поэтому позвольте перейти сразу к делу. Насколько мне известно, между Генуей и Венецией фактически идёт война. Иногда в виде прямых столкновений, чаще в виде закулисных интриг на политическом и торговом поле. И на разных направлениях театра военных действий она складывается по-разному. И если в относительно близких регионах вы успешно противостоите противнику, то в отдалённых территориях делать это не в пример сложнее. Поэтому Генуя и ищет союзников в Северном Причерноморье, чтобы остановить торговую экспансию венецианцев.

Дождался, когда Николай закончит перевод, и спросил:

– Я правильно понимаю ситуацию и ваши цели, сеньоры?

– Мы поражены, что в столь младом возрасте его сиятельство прекрасно разбирается в столь сложных вопросах, – ответил обтекаемо сеньор Франческо.

– Ну что же, очень сожалею, но мне придётся вас огорчить. Вы не найдёте во Владимире того, что ищете. У великого князя на текущий момент другие интересы и другие задачи, которые, уж извините, с вашими никак не пересекаются. А вот у Черниговского княжества и, скажем так, у меня лично есть. Подумайте, сеньоры, чем мы можем помочь друг другу, а завтра, если пожелаете, продолжим разговор.

Да, чуть не забыл. В этом году от вас в Пизу будет направлено посольство, главу которого на пиру отравят. Это человек с фамилией Гримальдини. В этом же году флотоводец с фамилией Дориа нанесёт сокрушительное поражение пизанскому флоту. Знакомые фамилии, не правда ли, сеньоры? Честь имею.

И я вышел, оставив Николая, который по договорённости должен был ненавязчиво поднимать мой авторитет.

– Что это было, сеньор Дориа?

– Не знаю. Сам пытаюсь осмыслить услышанное. А ведь посольство в Пизу три месяца назад, перед нашим отъездом, отправилось.

– А возглавляет его мой брат, – охнул Франческо.

– Полно, сеньор Гримальдини. Мало ли откуда могла прийти информация к княжичу? Может, это происки врагов.

– Как же, за тысячи стадий от Генуи. Вы сами-то в это верите? А морское сражение, которое мы якобы выиграем? Непостижимо.

– Сеньоры, – вступил в разговор Николай. – Я на днях общался с сотником здешним. Он рассказал интересную историю. Совсем недавно, буквально перед нашим приездом, княжич вернулся от половцев, куда ездил по заданию отца. Так вот, по пути он спас ханского внука, заслонив того от удара булавой. Сутки лежал в беспамятстве. А когда пришёл в себя, стали проявляться необычные знания и способности. Одна из них – заглядывать в будущее.

– Сказки это, – фыркнул Франческо.

– А вот вернётесь домой – и узнаете. Во всяком случае хан очень серьёзно отнёсся к предупреждениям княжича.

– Я думаю, время всё расставит по своим местам, – прихлопнул ладонью по столешнице Андреа Дория. – А пока предварительные договорённости не помешают. В конце концов, какая разница кто нам поможет? Мы просто поменяем Владимир на Чернигов. Кстати, сеньор Паганини, что означают последние слова княжича?

– А, об этом сотник тоже говорил. С недавних пор это его новая манера прощания с уважаемыми людьми. А означает она что-то вроде «честь превыше всего».

– Достойные слова, достойный юноша, – задумчиво произнёс Дория.

VII глава

На следующий день генуэзцы сами попросили о встрече. Я не стал чиниться, а так же, как и вчера, пришёл сам.

– Ваше сиятельство, – начал Дориа, – мы обсудили ваши слова и хотим официально представиться князю, уже как послы Генуи в Чернигов. Не стану скрывать, что никаких договоров мы пока заключать не вправе, и лишь выскажем свои намерения и пожелания.

«Кто бы сомневался», – подумал я. Пока не убедитесь в правдивости моих предсказаний, и пальцем не пошевелиньте. Удачно я нарыл этот материалчик в компе. Работал по теме «Лучшие арбалеты в Средние века», а попутно, вольно или невольно, запоминал некоторые другие вещи. А поскольку лучшие арбалеты были в Генуе, то и внимание истории этого города-государства уделил не в пример больше остальных. И ведь пригодились же?

– Вы же понимаете, – продолжал Дориа, – такие договорённости должен одобрить магистрат. И нам бы хотелось услышать ваши планы в случае положительного решения этого вопроса.

– А также ваши пожелания, – это уже Гримальди подсластил пилюлю.

Ну, да я не в обиде. В таких делах обижаться себе дороже. Они, конечно, прожжённые торгоши и политики, но тягаться

с человеком, который прошёл девяностые, я вас умоляю!

– Я понимаю вашу озабоченность, сеньоры, и не ожидал от сегодняшней встречи большего. Сам я буду тоже по возможности краток. Как говорил один мой знакомый, краткость – сестра таланта, а время – деньги.

– Какие замечательные фразы, особенно вторая! – влез Франческо.

«Ещё бы, торгашеская твоя душа. По-моему, любая фраза, где присутствует слово „деньги“, для тебя прекрасна», – это я не сказал, это я подумал.

– Поэтому перейдём к делу. Первое. Через четыре года я намерен вернуть Тмутараканское княжество, когда-то принадлежавшее Чернигову, и крепость Белая Вежа, которая находится в устье Дона и называется сейчас Тана. Второе. Ещё через два года – взять под контроль восточную часть Таврики. И, наконец, третье. К 6723 году от сотворения мира вся Таврика и ключевые точки на побережье вплоть до Днепра включительно должны быть под моей рукой. Теперь о пожеланиях. Хорошо бы получить в течение трёх-четырёх лет следующее:

1. Меч-гладиус с длиной клинка по образцу – пятьдесят сотен штук.

2. Шлем тяжёлого пехотинца, рисунок прилагается – пятьдесят сотен штук.

3. Наконечники копий, рисунок прилагается – пятьдесят сотен штук.

4. Болты для арбалета, рисунок прилагается – пятьдесят сотен штук.

Всё это из лучшего металла на сегодняшний день.

Табун лошадей в пятьсот голов, польских и венгерских полутяжеловозов.

Ну и средства на текущие расходы. Это на ваше усмотрение. Хочу сказать вам, сеньоры: с вашей помощью или без – я выполню то, о чём говорил, но если «без», тогда Генуя будет на равных со всеми прочими гостями в нашем новом доме. И самое важное. Если Генуя не использует сейчас этот шанс, то как государственное образование она исчезнет в 6888 году от сотворения мира. Через 165 лет. Я всё сказал, сеньоры. Встретимся завтра на приёме у князя.

Я поговорил с отцом. Просил его поласковой принять по слов и ничему не удивляться. Зря волновался. Всё прошло чинно и благородно. Были вручены и приняты подарки. Стороны заверили друг друга в самых искренних намерениях дружить семьями, то есть государствами я хотел сказать, откушали за княжеским столом, попили медов стоялых и банишки. Через день посольство отбыло восвояси.

Да, Никколу Паганини (Николая) я выпросил у сеньоров. Мол, обучать моих мастеров надо. А они и рады. Задание ему дали – за мной присматривать. Он смеётся теперь. Говорит, что его сиятельство под колпаком у Паганини. Тоже мне Мюллер недоделанный.

Вернулся Аллурх. Процесс наладил – чего там отсижи-

ваться? И началось. Подъём, пробежка, гимнастика, завтрак, тренировка и к кузнецам. Обед, тренировка и к кожемякам. Ужин, разговор по душам с двумя соратниками и на боковую. Утром... Ох, и где же вы, мои каникулы?

Замучился объяснять мастерам дел кожевенных, что я хочу получить в итоге. Когда совсем уже было надежду потерял, на третий день они выдали:

– Так бы сразу и сказал!

Нет, а я что, стихи им два дня читал? Или у них традиция такая – над княжичами издеваться? Скрытая форма классового противостояния – понимаешь? Ещё и озадачили. Два десятка дубовых форм вынь да положь.

– А иначе никак. В сроки не уложимся. А заказчик – дюже грозный, ругаться будет. Лица вроде серьёзные, но в глазах бесенята гопак отплясывают.

Побежал к плотникам. Те руками разводят. Уж больно заказ сложен. Сел на лавку, опустил руки, свесил голову. Душераздирающая картина. Сработало.

– Да не печалься ты так, княжич. Это мы для пущего разговора. А заказ что? И серьёзней работали.

Теперь уже в моих глазах эти самые, не к ночи будь помянуты, гопака пляшут. Русского человека заставить что-либо делать от души трудно, особенно если ему это не нравится. А вот на жалость и сочувствие, как щука на живца, ведётся. Цинично? Да. Но самую малость, в плепорцию. Не своей выгоды ради, а пользы только для. С кузнецами проще. Шу-

тить не любят. Работа не располагает. Разбирались недолго. Попросили рисунок наплечников в сборном виде и рисунок всего боевого доспеха. Огромный, как медведь, кузнец говорил:

– Сурьёзная работа, княжич, торопливости и суеты не выносит. Начинать надо вовремя, хорошо всё продумав. Мы начнём, когда первый панцирь будет готов. Соберёшь тогда нас всех, кузнецов, шорников. И мы окончательно решим, что и как работать. Это что касается наплечников и пластин. А поножи и наручи сразу ковать будем, как только рисунки с размерами принесёшь. Годится?

– Годится, Савелий Поликарпович.

– За величание благодарствую. А за остальное не переживай, сработаем. Чай не глупее басурман.

За делами и за работами время летело быстро. Вот и пятнадцатый день липица наступил. Июль в моём времени. Третьего дня проводили обоз с товарами в Персию. Огромный по этому времени. Шесть десятков вместительных телег и семь десятков вьючных лошадей. Купцы в полном составе, все семеро, отправились в путь. Хотят сами пощупать за вымя один из богатейших восточных рынков. До ставки Юрия Кончаковича их сопровождает сотня княжеских дружинников. Далее – половцы, до самой посадки на корабли. Лишь десяток княжеских воинов уйдут Хвалынским морем вместе с купцами. Обратное – таким же порядком.

Пот стекал с меня ручьями. Заливал глаза и мешал разгля-

деть движение клинков, сливающихся порой в одну сплошную серебристую линию. Уже скорее интуитивно я отбивал удары Аллурха. Минут пятнадцать идёт учебный бой, а он не может меня достать. А ведь старается. Но что-то сегодня не так. Не с ним. Со мной. Появилась вдруг необычная лёгкость и ясность мысли. Вес клинков перестал ощущаться. Тело само знало, что делать в ту или иную секунду. Оно просило отпустить его в необычный манящий танец. И настойчиво так. Пришлось отпустить. Пару минут гот испытывал примерно те же ощущения, какие были у меня при первом нашем спарринге. И потом правый клинок вылетел у него из руки, а мой, левый, остановился в миллиметре от его груди. Всё, учебный поединок закончен. Аллурх сиял от удовольствия.

– Вот теперь я могу сказать, что не зря прожил свою жизнь. Воспитать ученика, способного провести в бою танец с клинками, это, это... ну я не знаю, – гот задыхался от избытка чувств. – Впервые вижу такое. Слышать слышал, что кто-то где-то когда-то, но сам ни разу.

– И что, обучение закончилось?

– Размечтался!.. Всё только начинается. Теперь будешь учиться управлять этим чудом. А ещё топором, копьём, луком, щитом.

– А щит-то здесь каким боком?

– А он, княжич, в умелых руках очень даже эффективное оружие. Я потом подробно всё покажу.

Глубоко вдохнул и выдохнул. Не сомневаюсь, что пока-

жет. А мне, пока не научусь, придётся собирать синяки и шишки. Ох, чувствую, большую корзину приобретать надо. В прежнюю не войдут.

В ворота детинца влетела тройка всадников. Один прокричал:

– Послание для его сиятельства из Генуи! – и спрыгнул с коня.

Я подошёл и протянул руку:

– Давай! – Достал из торбы футляр, вытащил из него свиток с печатью. – Посмотрим, чем они нас порадуют. – Сломал печать, развернул и разочарованно вздохнул: – На итальянском.

– А ты ожидал, что кириллицей писано будет? – заглянул в свиток подошедший Аллурх.

– Давай переведу. Али ты запомятовал, что я пять лет в Милане служил?

– Ну, что там? Да читай же уже!

«Его сиятельству князю-наследнику Великого княжества Черниговского

Довожу до вашего сведения, что условия и пожелания, высказанные вами на прошлой встрече, приняты магистром безоговорочно.

Делегация Генуи прибудет в Чернигов к концу лета с первой партией оговорённых изделий. Мне поручили возглавлять эту миссию. С правом подписывать от имени магистрата любые договора.

Памятуя ваши слова о краткости, которая сестра таланта, спешу откланяться.

*С надеждой на скорую встречу,
флотоводец и член магистрата Андреа Дориа»*

VIII глава

Великий князь Святослав Глебович не узнавал своего сына. После поездки к половцам его словно подменили. Не то чтобы изменился в худшую сторону. Совсем даже наоборот. Но всё же, всё же. Придумки его эти. По отдельности вроде как обычные увлечения отрока. А сложи всё вместе – и становится понятно, что они подчинены одной цели – походу на Тмутаракань. Оно бы, конечно, неплохо, но ведь и надорваться можно. В устье Дона крепость Тана, её ведь тоже брать придётся. А она под Венецией. Такая каша может завариться, что не дай бог. С другой стороны, Юрий Кончакович к нему благоволит. Чуть не за сына держит. А это мощный тыл за спиной. Да и собирается он начинать не сейчас, а через три года. А за это время много чего измениться может. А пока всё, что ни делает, идёт на пользу княжеству. Вот взять хотя бы крепостницу в устье Сона. Или...

– Отец, ты меня совсем не слушаешь, – прервал его размышления княжич.

– Слушаю, сынок, слушаю. Так что ты про мельницу говорил? «Наливай кума сначала». Ладно, пройдемся ещё раз.

– В Тмутаракани мне понадобится лес. Много леса. А его там нет. Вот я и хочу в верховьях Дона, на границе с Рязанским княжеством, поставить большое мельничное колесо. Итальянец Никкола обещает, что сделает приспособление,

которое будет зараз распиливать целое бревно на несколько досок. Потом эти доски надо выдержать два-три года и только тогда использовать. Поэтому заготавливать его надо сейчас. А когда придёт время, будем на дощаниках сплавлять в Белую Вежу.

– Так, и что для этого надо?

– Как что? Твоё разрешение.

– И всё? – хитро прищурился князь.

– Ну и денег немного. Для начала.

– А потом откель возьмёшь?

– Через два месяца деньги будут. Генуэзцы привезут для спонсирования похода.

– Для какого спон... спон... тьфу, и не выговоришь!

Оп-па. Прокол. Внимательней надо быть.

– Ну, это у них слово такое, означает «помощь». Выгодно им венецианцев потеснить. Ты меня извини, отец, что я за твоей спиной договаривался. Но и сам до последнего дня не очень-то верил в это. А сегодня гонец привёз письмо. Со всеми моими условиями они согласны.

Ну и выдал по полной, всю информацию. Он минут десять ходил по горнице. Туда-сюда. У меня аж в глазах зарябило. Потом остановился напротив и вперил в меня свои глазищи. Всё, сейчас прикроет эту лавочку, и накроются медным тазом все мои потуги.

– Вырос ты, Иван, а я и не заметил. Быть по сему. Но! – Поднял указательный палец вверх. – Если всё, как ты гово-

ришь, будет в договоре указано.

Фу. Пронесло. Не в смысле «пронесло», а в том смысле, что гроза прошла стороной.

И опять закружило, завертело. В делах, тренировках, думках. В Новгород отправился купеческий приказчик с чертежами Николая. Велено было заказать по ним пилы из шведского железа в количестве пятидесяти штук. А сам он с кузнецами и плотниками мудрил над образцом арбалета, какой и представил через две недели на мой княжеский суд. Хорошая получилась машинка. Вес не то чтобы лёгкий, но вполне приемлемый. Что-то около трёх с половиной килограмм. Удобный приклад, отличный спусковой механизм и удобная прицельная планка. Дуга, изготовленная из трёх пород дерева, усилена металлической пластиной. Болт с четырёхгранным калёным наконечником пробивал двухмиллиметровую металлическую пластину со ста пятидесяти метров насквозь. Кольчугу – с двухсот метров, а добротный кожаный доспех с поддоспешником – с двухсот пятидесяти. Для незащищённого человека болт был опасен на расстоянии до четырёхсот метров.

Никто не снимал ответственности с мнимого итальянца за пилораму, которую планировалось изготовить в разобранном виде для удобства транспортировки на места. Выяснилось, что это самое место Николаю уже известно.

– Есть там река небольшая, – рассказывал он, – Красная Меча называется. Она в Дон впадает. Шириной десять – две-

надцать метров. Сейчас может быть шире. Рыбачили там. Так вот, долина Дона метров на пять ниже уровня этой речки. И имелся там, я помню, небольшой такой водопад, как раз на эту высоту. А рядом проходит другое старое русло. Наверное, оно сейчас и есть настоящее. Поставим под будущим водопадом колесо. Установим пилораму. А потом поможем реке найти новое русло. Там работы с гулькин... В общем, немного там работы. Единственное, острог какой-никакой ставить от лихих людей. Смотри, княжич. Здесь у меня всё отлажено. Ложе и дуги от арбалета будут делать отдельно. На дуги потом сухожилия клеить будем. Это ещё двадцать пять процентов мощности. А пока надо впрок закупать эти самые сухожилия у половцев. Давай я, пока лето, рвану с артелью на Красную Мечу.

Здорово, когда есть такие помощники. Поторапливать не надо. Сами меня подгоняют.

– Хорошо. Собирайтесь, грузитесь, и с Богом! А я вам десяток дружинников у отца выбью. Да и артельщиков копьями вооружить не лишним будет. А мы с Аллурхом за всем остальным присмотрим. Да стройку на Снове закончим.

Незаметно пролетели полтора месяца. И второго дня вересня (сентябрь) прибыло, раньше ожидаемого срока, генуэзское посольство. Предупредив отца о том, что проведу предварительную встречу, отправился в гостиный двор, расположенный здесь же. Встретились с Дориа как старые добрые знакомые. Обнялись, раскланялись, поулыбались друг

другу. Нет, правда. Есть в нём что-то первобытное, настоящее, не испорченное европейской цивилизацией. А уж Генуя, Венеция и Папский двор вообще стоят особо. Гадючники отдыхают. И если остался человеком в этом змеином клубке, это говорит о многом. Вот ещё одно подтверждение тому, что не бытие определяет сознание. А бородатый Карла просто очень умело, в нужный момент, втюрил обществу свои идеи. Да что говорить, когда тому примеров тьма. Взять хотя бы квадрат Малевича. Ведь это как надо пропиариться, чтобы выдать это недоразумение за шедевр! И ведь стоит определённая публика у рамки с этим квадратом и рассуждает с глубокомысленным видом о якобы присутствующих там достоинствах. Либеральная элита общества, блин. Знаем мы этих либералистов. Встречались. Нет, всё, хватит. Давайте о хорошем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.